
НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

УДК 82.0 + 801.7

ЛОЗИНСКАЯ Е.В.¹ НОВЫЕ КНИГИ ПО НАРРАТОЛОГИИ. Часть 1. ОБЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕОРИИ. (Обзор).

DOI: 10.31249/lit/2021.03.04

Аннотация. Настоящий обзор открывает серию публикаций о наиболее примечательных книгах по теоретической нарратологии, вышедших за последние пять лет, и призван очертить общее пространство теории нарративного анализа. В центре внимания – современные нарратологические теории в их отношении к классическим. Особое внимание уделено сборнику статей французских авторов, поскольку французская нарратология после заката структурализма развивалась иначе, чем в англоязычных странах, Германии, Скандинавии. В обзоре представлены также книги по постколониальной нарратологии и эконарратологии – менее известным направлениям постклассической нарративной теории.

Ключевые слова: нарратология; структурализм; постклассическая нарратология; французская нарратология; эконарратология; постколониальные исследования; контекстуальная нарратология.

LOZINSKAYA E.V. New books on narratology. Part 1. The common space of theory. (Review).

¹ Лозинская Евгения Валентиновна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Abstract. This review is the first one in a series of reviews and articles on the most noteworthy books on theoretical narratology published in the last five years and aims to outline the common space of narrative theory. The focus is on contemporary narratological theories as they relate to classical ones. Particular attention is paid to the collection of articles by French scholars, given that in France narratology has developed since the decline of structuralism differently than in the English-speaking countries, Germany, and Scandinavia. The review also concerns two books on postcolonial narratology and econarratology, less known branches of postclassical narrative theory.

Keywords: narratology; structuralism; postclassical narratology; French narratology; econarratology; postcolonial studies; contextual narratology.

Для цитирования: Лозинская Е.В. Новые книги по нарратологии. Часть 1. Общее пространство нарратологии. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2021. – № 3. – С. 38–55. DOI: 10.31249/lit/2021.03.04

Нарратология зародилась в рамках литературоведения, но после «нарративного поворота» в гуманитарных науках 1990-х годов расширила предмет своего изучения, фактически превратившись в самостоятельную научную дисциплину. Методы нарративного анализа, первоначально разработанные в основном исследователями художественной прозы, стали применяться к текстам на другой медиальной основе (например, к кинофильмам и компьютерным играм), к документальным повествованиям (история, журналистика) и даже в принципиально иных отраслях знания (медицина, психология и психиатрия, юриспруденция, экономика, бизнес и реклама). В то же время в рамках самого литературоведения предметом нарратологического анализа стали лирика и драма, утвердилась точка зрения, что литературы прошлых эпох и других культур, как, впрочем, и современный роман во всем его разнообразии, не вмещаются в рамки традиционной теории. Все это повлекло за собой пересмотр категориального аппарата нарратологии и ее концептуальных подходов, привело к возникновению новых нарратологических течений – весьма разнообразных и не-

редко противоречащих друг другу или, по крайней мере, поразному описывающих одни и те же явления.

В современной науке принято разделять классическую нарратологию французского структурализма – синхронистическую, формалистскую, семиотически ориентированную, универалистскую по замыслу, но фактически разрабатывавшуюся на основе реалистического и модернистского европейского романа, и нарратологию постклассическую, значительно большее внимание уделяющую содержанию, контексту, рецептивным и коммуникативным аспектам повествований, непривычным, например, немиметичным, формам наррации¹. Постклассическая нарратология, кроме того, в большей степени ориентирована не на «чистую теорию», а на конкретные тексты. И в целом нарратологические методы анализа вошли в литературоведческую практику, поэтому некоторые исследователи отмечают, что необходимо различать работы по теоретической нарратологии как таковой и практический нарративный анализ.

Настоящий обзор – первая часть цикла публикаций о нарратологических книгах, вышедших в зарубежных странах за последние пять лет. В центре внимания – пять изданий, которые позволяют обрисовать общее пространство нарратологической теории: историю дисциплины, новые направления, региональные особенности ее развития.

Университет Небраски выпустил в свет в 2019 г. второе, исправленное и дополненное, издание руководства по нарративному анализу Люка Хермана и Барта Вервэка² [5]. Эта книга представ-

¹ Сама оппозиция «классическая / постклассическая нарратология» была введена Д. Херманом в статье: Herman D. Scripts, sequences, and stories : elements of a postclassical narratology // PMLA. – 1997. – Vol. 112, N 5. – P. 1046–1059. См. также работы: Narratologies : new perspectives on narrative analysis. – Columbus, 1999; Nünning A. Narratology or narratologies? Taking stock of recent developments, critique and modest proposals for future usages of the term // What is narratology? Questions and answers regarding the status of a theory. – Berlin ; New York, 2003. – P. 235–279.

² Первое издание было опубликовано в 2001 г. на голландском языке, в 2005 г. переведено на английский. Во втором издании руководства были внесены исправления в первые две главы, а также существенно пересмотрена и дополнена третья глава – о современной нарратологии.

ляет собой одно из наиболее удачных введений в нарратологическую проблематику. С одной стороны, она имеет историографическую структуру, с другой – ориентирована не на спекулятивное изложение теории или теорий, а на практику литературоведческого анализа: теоретические вопросы рассматриваются в ней на примерах из европейского литературного канона, а также в применении к трем коротким текстам (два рассказа и комикс), опубликованным в приложении. Во введении авторы высказывают особую точку зрения на специфику современного этапа развития дисциплины. По их мысли, традиционная нарратология, включая структуралистскую, оперирует преимущественно оппозициями и старается как можно четче прочертить границы между двумя терминами [5, р. 3] – «рассказывать и показывать», «говорить и действовать», «раньше и сейчас», «внутри и вне» истории и т.п. Новая нарратология, напротив, подчеркивает размытость этих границ и акцентирует в повествованиях переходные моменты.

Первая глава знакомит читателя с предысторией нарратологии, с концепциями, существовавшими до возникновения структурализма или вне его влияния, но и сегодня играющими важную роль в литературоведении: история и сюжет, показ и рассказ (мимесис и диегезис), автор и нарратор, нарратор и читатель, изображение сознания и речи, способы отражения человеческой перцепции. Авторы руководства показывают, что эти вопросы естественным образом возникают при анализе повествовательного текста, однако различные исследователи дают на них разные ответы: так, например, сравниваются две типологии нарраторов – Ф. Штанцеля и Д. Коэн. Читатель узнает об идеях У. Бута, С. Чэтмана, М.-Л. Пратт и других теоретиков нарратива не по отдельности, а в сопоставлении их между собой.

Вторая глава отведена структурализму и содержит три раздела. Первый охватывает структуралистскую теорию «истории» (фабулы): события (преимущественно на основе работ Р. Барта и в меньшей степени К. Бремона), актанты (А. Греймас), сеттинг (здесь авторы выходят за пределы французского структурализма, вводя бахтинскую категорию «хронотопа», концепции С. Чэтмена, Г. Зорана и Ш. Римон-Кеннан).

Во втором разделе читатель знакомится с категориями, имеющими отношение к нарративу как конкретному воплощению событий и актантов в тексте. Фундаментом для анализа повествовательного времени служит, разумеется, концепция Ж. Женетта, а структуралистские методы изучения персонажей продемонстрированы на примере работ Р. Барта, Ш. Римон-Кеннан и Ю. Марголина. Что касается фокализации, то в руководстве дано лишь общее представление об этой категории – с опорой на «Повествовательный дискурс» Ж. Женетта, но без тонких, сложных для усвоения нюансов его теории.

Третий раздел «Наррация» характеризует структуралистский инструментарий для исследования словесного воплощения истории. Основное внимание здесь уделяется нарративным агентам (нарратор, повествовательная инстанция), при этом авторы акцентируют проблематичность данной категории в целом, сложности, возникающие при установлении типа нарратора, наличие в современной прозе повествователей, не вписывающихся в структуралистскую (в первую очередь, женеттовскую) схему. Вторая тема этого раздела – изображение в тексте человеческого сознания, и здесь снова «Руководство» вынуждено выйти за пределы классического структурализма: читатель знакомится также с работами Д. Коэн, Э. Бэнфилд, М. Флудерник и получает представление о нарратологических дискуссиях вокруг понятия FID (несобственно-прямая речь).

В третьей главе Вервек и Херман переходят к постклассической нарратологии и рассказывают об истории этого термина, а также о «нарративном повороте» в гуманитарных науках. Затем они оригинальным образом и несколько субъективно систематизируют новые подходы. Первую их группу они связывают с расширением предмета нарратологических исследований в интермедиальной и диахронической (исторической) нарратологиях, сюда же отнесены различные концепции виртуальных миров. Вторую группу авторы называют «коммуникативными подходами» и относят к ним, помимо очевидной в данном контексте риторической нарратологии, когнитивное направление, акцентируя в нем рецептивные аспекты. Третья разновидность подходов связывает narra-

тологию и идеологию. Именно в связи с ними авторы затрагивают вопрос о «нарративной этике» (который, в принципе, был поставлен риторической нарратологией, включенной в предыдущую группу), после чего дают характеристику постколониальной, культурной, феминистской, квир- и соционарратологии. Заключительный раздел носит название «Повседневная жизнь как повествовательный процесс» и поначалу обещает рассмотрение того, «каким образом нарративный анализ применяется к разнообразным социальным и культурным явлениям» [5, р. 205]. Можно было бы ожидать рассказа о теории М. Тёрнера, о нарративных исследованиях в юриспруденции, медицине и т.п., но вместо этого авторы переходят к краткому обзору постмодернистских концепций нарратива, а затем к «естественной» нарратологии М. Флудерник и «неестественной» нарратологии Б. Ричардсона и Я. Альбера. Тем не менее, пусть связь этих разделов с названием главы представляется довольно натянутой, в целом они дают хорошее начальное представление о данных подходах.

Херман и Вервек рисуют общую картину концептуального разнообразия современной нарратологии, однако их книге присущ обобщенный, пропедевтический уклон, к тому же она в известной степени отражает личные взгляды авторов на современное положение дел в нарративном анализе. Между тем читателю, чьи научные интересы лежат за пределами нарратологической теории, было бы интересно ознакомиться со всем комплексом новых концепций в авторском и последовательном изложении. В 2012 г. на английском языке вышла коллективная монография «Нарративная теория: Ключевые понятия и критические дискуссии»¹, в которой приняли участие ведущие представители новых «нарратологий». Однако большую ее часть занимает сопоставление взглядов исследователей на содержание важнейших понятий нарративного анализа, а целостному описанию каждой из концепций отведено по пять-восемь страниц во введении.

¹ Narrative theory : core concepts and critical debates / Herman D. et al. – Columbus, 2012.

Этот пробел в систематическом описании новой теории заполнило французское издательство Presses universitaires du Septentrion, выпустившее в 2018 г. под редакцией одного из ведущих французских нарратологов Сильви Патрон коллективную монографию на французском языке «Введение в постклассическую нарратологию» [1]. В каждой из ее глав об одном из направлений современной нарратологии рассказывает его основатель или ведущий представитель (о феминистской и квир-нарратологии – С. Лансер, о риторической – Дж. Фелан, о различных изводах нарратологической когнитивистики – М. Флудерник, А. Нуннинг и Д. Херман, о «неестественной» – Б. Ричардсон, о трансмедиальной – М.-Л. Райан). Монография дает целостное представление о каждом из направлений и в результате удачно дополняет «Нарративную теорию» 2012 г., в которой к тому же не нашла отражения трансмедиальная нарратология. «Когнитивное» направление представлено у С. Патрон сразу тремя исследователями – Д. Херманом, А. Нуннингом и М. Флудерник, поскольку различия между их подходами весьма велики. Хотя главы Д. Хермана и А. Нуннинга рассматривают относительно частные вопросы – о повествовательном мире (storyworld) и о недостоверном нарраторе, первый из них, действительно, является ключевым для когнитивного направления, а второй позволяет сопоставить когнитивную и риторическую точки зрения, тем самым помогая наметить общие рамки когнитивной теории нарратива.

Во введении С. Патрон не только прослеживает историю термина, снабжая читателя хорошим для первоначального чтения списком литературы, но и включается в инициированный когда-то М. Стернбергом диспут: есть ли концептуальные различия между классической и постклассическими нарратологиями? В результате традиционное для введений резюмирование последующих глав перерастает в обсуждение исторических корней и социального контекста постклассических концепций.

Постклассическая нарратология «делается» преимущественно на английском языке, в несколько меньшей степени – на немецком, финском, голландском, иврите и др. (при этом авторы из неанглоязычных стран нередко публикуются на английском даже в

тех изданиях, которые выходят на их родине). Между тем французская нарратология после заката структурализма продолжала развиваться, но только некоторые из исследователей (С. Патрон и Дж. Пир, например) хорошо известны в англоязычной научной среде. Этот пробел заполняет сборник статей под редакцией Дж. Пира, вышедший в издательстве университета штата Огайо и призванный познакомить англоязычных читателей с современным положением дел во франкофонной нарратологии.

Характеризуя его, Дж. Пир указывает, что после 1960–1970-х годов нарратологические исследования во Франции отошли на задний план или были ассимилированы другими подходами (феноменологическая герменевтика Рикёра, бартовская «теория текста», лингвистика высказывания) [4, р. 8]. Однако на границе веков интерес к нарратологии вновь усилился, в том числе и вследствие осознания того, что нарратология не исчерпывается формальным и структурным подходами к повествованиям. Однако парадигма постклассической нарратологии вряд ли полностью применима к французской научной ситуации. Французские исследователи могут продуктивно использовать отдельные элементы новых теорий, но мало кто из них эксплицитно относит себя к феминистскому, постколониальному, риторическому или когнитивному направлению.

К тому же характерное для англоязычной постклассической нарратологии представление о том, что французский структурализм игнорировал взаимосвязь текста и контекста, нельзя назвать полностью верным. Это, в частности, продемонстрировано Р. Барони в вошедшей в сборник статье, где опровергается мнение о том, что классики нарратологии ограничивались структурным анализом фабулы и сюжета. На самом деле, как показывает исследователь, прагматические аспекты сюжетной динамики присутствуют даже в теории А. Греймаса.

Хотя нарратология многими воспринимается как частная дисциплина, со своими собственными терминологическим аппаратом, категориями, пресуппозициями, для французской нарратологии характерно объединение нарратологических вопросов с общетеоретическими. Дж. Пир связывает нарративную теорию с

дискурсивным анализом, возникшим в 1960-е годы во многом в полемике со структурализмом. Исследователь считает возможным поместить повествование в широкий круг дискурсивных практик, при этом не распространяя на последние специфически нарратологические категории.

Д. Бертран возвращается к теории А. Греймаса, в которой принцип имманентности (разделения структуры и контекста) и нарративность были тесно связаны. Впоследствии принцип имманентности был радикализован, и греймасовская семиотика потеряла связь с нарративной теорией. Бертран предлагает ввести представление о «режимах имманентности», позволяющее вернуться к продуктивному семиотическому анализу повествований.

Вопрос о вымысле, который в течение долгого времени сводился именно к повествовательному мимесису, затрагивается в статье О. Каира. После возникновения новых форм фикциональности (к ним относят, например, компьютерные или настольные ролевые игры) само понятие вымысла потеряло отчетливость, а его связь с нарративностью ослабла. Стало очевидным, что есть и немиметичные формы вымысла, например игры, в которых вымышленное содержание не репрезентируется, а симулируется. О. Каира выявляет и обсуждает философские следствия такого расширения и переопределения вымысла (например, следующую из них нерелевантность оппозиции вымысел / реальность) и предлагает рассматривать вымысел как социальный институт.

Сборник также отчетливо демонстрирует, что французские нарратологи не замкнулись в узком национальном кругу, они исследуют те же проблемы, что и их англоязычные коллеги, и при этом нередко демонстрируют свежий взгляд на острые вопросы теории, рассматривают их в иной перспективе, чем немецкие и англоязычные исследователи. Так, С. Патрон – защитница концепции «опционального нарратора», согласно которой нарратор не является обязательным элементом повествования¹, – подчеркивает, что для утверждения этой позиции (в целом противоречащей

¹ Более подробно см. в сборнике статей под ее редакцией: *Optional-narrator theory : principles, perspectives, proposals.* – Lincoln, 2021.

преобладающим как в классической, так и в постклассической нарратологиях установкам) требуется придать ей историческую перспективу. Для этого необходимо создать научную историю нарратологии, подобную существующей во Франции истории лингвистических учений – не только историографического, но и эпистемологического характера.

Р. Сен-Желэ, во многом сходно с зарубежной мультимедальной стилистикой (Н. Норгаард и др.), предлагает рассматривать роман «не только как повествование, но и как книгу». В романе есть «внутренняя» часть (повествование, порождаемое нарратором) и «внешняя», создаваемая писателем, издателем, иллюстратором и т.д. До сих пор предметом нарратологии была только первая, а второй занимались в рамках паратекстуальных исследований. Однако границы между этими двумя «частями» вполне проницаемы, и исследователь приводит тому множество примеров. Взаимопроникновение текста и вымысла, когда некоторая внешняя характеристика книги (разбиение на главы, паратексты, типографика и пр.) представляет собой одновременно элемент диегезиса, Сен-Желэ называет «парафикционализацией» и связывает это явление с общей проблемой присутствия нарратора в дискурсе.

Б. Энно вступает в имеющие долгую историю дебаты об источнике нарративности. Она отстаивает точку зрения, что в драматических произведениях медиированное повествование – компонент постдраматического нарративного дискурса, а драматический нарратив как таковой создается через реплики, хореографию, жестикуляцию, звук, освещение, декорации, порождающие репрезентацию тех или иных событий. Это становится аргументом в пользу того, что именно событийность, а не медиация представляет собой основу нарративности.

Ф. Реваз изучает нарратологические аспекты сериальных публикаций. Их первый тип – «медиасаги», т.е. журналистские повествования о разворачивающихся в настоящий момент событиях, второй – публикуемые в нескольких последовательных номерах комиксы. Они различаются между собой по критерию способности автора контролировать дальнейшее развитие сюжета и, стало быть, макроструктурную организацию текста, но обе разно-

видности ставят под вопрос аристотелевский принцип единства действия.

Тезис о необходимости адаптировать нарратологический инструментарий к повествованиям давних эпох высказывался неоднократно, однако речь, как правило, шла о сравнительно частных проблемах – наличии нарратора и т.п. К. Каламэ выявляет принципиальную особенность древнегреческих «мифов», требующую пересмотра нарратологических подходов к их анализу: они не возникли сразу как целостные повествовательные структуры, но были сконструированы как таковые намного позже на основе гетерогенных и фрагментарных источников. Изначально, в особенности в доклассический период, они или их элементы репрезентировались в ритуалах и песнопениях. Отсюда очевидна необходимость учитывать не только структурный, но и прагматический аспект при анализе их содержания.

Статьи французских исследователей, включенные в сборник, ясно показывают, что даже частные нарратологические вопросы восходят к вопросам общей теории литературы. Нарратология когда-то рассматривалась как метод или аналитическая техника, однако «нарративный поворот» вывел ее за пределы литературоведения и придал ей статус, близкий к самостоятельной интердисциплинарной научной отрасли на границе между гуманитарным и точным знанием. Поэтому, как утверждает в своей статье Ф. Лавока, именно нарратология может послужить новой моделью для литературной теории, призванной сменить в этом качестве Теорию 1970–1990-х годов.

Хотя постклассическая нарратология в большей степени, чем классическая, учитывает контекст и содержательно-идеологические аспекты текста, а призывы к созданию контекстуальной нарратологии не раз звучали¹, многие исследователи отмечают, что результаты пока оставляют желать лучшего². Причина этого

¹ Kim S.J. Introduction : decolonizing narrative theory // Journal of narrative theory. – 2012. – Vol. 42, N 3. – P. 233–247; Shen D. Why contextual and formal narratologies need each other // Journal of narrative theory. – 2005. – Vol. 35, N 2. – P. 141–171.

² Kindt T., Müller H.-H. Narrative theory and/or/as theory of interpretation // What is narratology? Questions and answers regarding the status of a theory. – Berlin,

вполне очевидна: нарратология – теоретическая дисциплина, изучающая форму художественных произведений, в то время как идеологическая критика ориентирована в первую очередь на содержание и прагматику литературы. Кроме того, от идеологически ангажированных литературоведов нередко можно услышать обвинение в «фальшивом универсализме» нарративной теории, созданной на материале европейского (буржуазного, белого, мужского и т.п.) литературного канона.

Одно из новых направлений в нарративных исследованиях, пока еще редко упоминающееся в руководствах и обзорных трудах, – эконарратология. Она входит в состав более широкой научной отрасли – экологической гуманитаристики (ecological humanities) и предполагает изучение материального и природного окружения человека, его репрезентаций в искусстве, а также нарративных форм познания этой части действительности. Сборник статей под редакцией Эрин Джеймс и Эрика Морела «Окружающая среда и нарратив: новые тенденции в эконарратологии» [3] дает возможность познакомиться с этой дисциплиной. Введение к сборнику обеспечивает читателю, ранее незнакомому с экокритикой в целом, первичное представление о ней. Экокритика – один из вариантов идеологической критики, наподобие феминистской, постколониальной или марксистской, однако в последние годы в ней наметился сдвиг к нарративной теории в ее интердисциплинарном изводе, включая концепции, близкие к паннарративности. Так, С. Иовино и С. Опперманн предлагают рассматривать землю (природу) как своего рода текст: «материальные феномены окружающего мира представляют собой узлы в широкой сети субъектов деятельности, которые могут быть “прочитаны” и интерпретированы как созидающие некоторые повествования, истории»¹.

Во введении к сборнику Э. Джеймс и Э. Морел намечают три актуальных тенденции в эконарратологии, получившие отра-

2003. – P. 205–219; Sommer R. ‘Contextualism’ revisited : a survey (and defence) of postcolonial and intercultural narratologies // Journal of literary theory. – 2007. – Vol. 1, N 1. – P. 61–79.

¹ Iovino S., Oppermann S. Introduction : stories come to matter // Material eco-criticism. – Bloomington, 2014. – P. 8.

жение в вошедших в него статьях. Во-первых, это анализ репрезентации субъектов, не являющихся людьми (nonhuman), – в особенности такого типа нарраторов. До сих пор нарративная теория была весьма антропоцентричной. Так, вся риторическая нарратология основана на представлении о повествовании как человеческой коммуникации, в других направлениях сходные установки присутствуют имплицитно или эксплицитно. Вместе с тем литература дает обильный материал для исследования неантропоморфных повествователей, встречающихся, например, в произведениях Кафки, Кальвино, Барнса, Кортасара и др. Таких повествователей невозможно воспринимать как обычные аллегории, художественный эффект этих текстов опирается на «двойственную диалектику эмпатии и остранения, человеческой и нечеловеческой экспериенциальности»¹. В этом плане эконарратология вступает в конфронтацию как с «естественной» нарратологией М. Флудерник, связывающей само понятие «нарративность» с репрезентацией именно человеческой экспериенциальности, так и с нарратологией неестественной, подчеркивающей антимиметичность текстов с неантропоморфными повествователями. По мнению Л. Бернэртса и его коллег, такие повествования не являются ни естественными, ни неестественными, они существуют в пограничном пространстве, поэтому, пусть естественная и неестественная нарратологии обеспечивают хороший категориальный аппарат для их анализа, его следует дополнить и усложнить на основе эокритических идей (например, концепций *more-than-human*, *mesh*, вещественной субъектности и т.д.). Нарратологическому анализу «нечеловеческой реальности» отведена первая часть сборника. В нее вошли статья Й. Хегглунда, в которой для анализа нечеловеческой субъектности в романе Дж. Вандермеера «Аннигиляция» применяется теория «странного реализма» (*weird realism*), созданная Г. Харманом, а также статья М. Караччоло, исследующего особенности сюжетосложения в романе Делилло «Изнанка мира» и фильме А.Г. Иньяриты «Вавилон».

¹ The storied lives of nonhuman narrators / Bernaerts L., Caracciolo M., Herman L., Vervaeck B. // *Narrative*. – 2014. – Vol. 22, N 1. – P. 69.

Во-вторых, экокритика стала одним из проявлений «этического поворота» в литературоведении. Однако нарративная теория, в особенности классическая структуралистская с ее разделением *langue / parole* и преимущественным вниманием к первому, была далека от этических проблем. В постклассической нарратологии усилился интерес к влиянию нарратива на реальную аудиторию, а риторическое направление ввело понятие нарративной этики и стало рассматривать повествование как целенаправленный коммуникативный акт, имеющий эксплицитно выраженное этическое измерение. Опираясь на эти идеи, эконарратологи анализируют повествования как идеологические инструменты: нарративы доносят до читателя определенное экологическое содержание, используя для этого разнообразные способы изображения окружающей среды. Статьи второго раздела применяют категории риторической нарратологии к анализу экологически ориентированных текстов: Э. Морел пишет о читательской динамике в «климатической фантастике», М. Лехтимааки – о связи нарративного движения (*narrative progression*) с климатологической риторикой в романе И. Макьюэна «Солнечная», а Г. Гаррад о нарративной этике «экологических добродетелей» в романе Р. Пауэрса «Gain».

В-третьих, авторы введения отмечают более активное использование экокритикой научных сведений и теорий, заимствованных не только из экологии, но и из других научных дисциплин – в первую очередь, из когнитивистики. Общие когнитивистские концепции «телесного познания» (*embodied cognition*)¹ и энактивизма (*enactivism*)², несомненно, способствуют более глубокому постижению того, как мы взаимодействуем с нарративами окружающего мира на ментальном и аффективном уровнях. Однако для эконарратологии важны также и понятия о повествовательном мире (*storyworld*), о «нарративном пространстве», концепции «дейктического сдвига», фигуры и фона, топологических и проективных локаций, представление о Теории сознания (*Theory of Mind*), теории когнитивной симуляции и нарративной эмпатии.

¹ Познание зависит от опыта физического тела в окружающей среде.

² Сознание порождается во взаимодействии тела с окружающим миром.

В третий раздел книги включены статьи о репрезентации современного экологического кризиса, во многом опирающиеся на когнитивные теории. А. Вейк фон Моссер, М.М. Лоу, А. Браке и Э. Джеймс исследуют, почему стремление изобразить характерные для нынешнего времени экосистемы и природные явления обнажает недостаточность традиционных повествовательных техник и становится причиной появления новых, и каковы повествовательные конвенции, свойственные современным экологическим нарративам. В то же время авторы статей рассматривают, каким образом повествовательные миры могут стать частью экологического активизма. Книгу завершает «Заключение», написанное одной из виднейших представительниц экокритики У. Хейзе, о перспективах эконарратологии и актуальных темах исследований.

Еще одно идеологическое направление в литературной критике – постколониальные исследования. Необходимость пересмотра или калибровки нарратологического инструментария по отношению к литературе других культур очевидна и привела к созданию компаративных¹ и универсалистских концепций нарратива². Однако, как заметил Дж. Принс, следует также рассмотреть возможность включения в нарратологию новых категорий, основанных на оригинальных понятиях постколониальной теории (например, гибридность, миграция, инаковость, фрагментация, разнообразие, господство и т.п.)³.

Сборник под редакцией Д. Дживеди, Г.С. Нильсена и Р. Уолша имеет целью «выявить пользу теоретико-нарративных концепций и методов для исследователей, занимающихся постколониальной литературой, а кроме того, проверить адекватность этих теоретических идей ситуации идеологически ориентированной интерпретации текстов» [2, р. 1]. Обширное введение к книге,

¹ Friedman S.S. Towards a transnational turn in narrative theory : literary narratives, traveling tropes, and the case of Virginia Woolf and the Tagores // Narrative. – 2011. – Vol. 19, N 1. – P. 1–32.

² Hogan P.C. The mind and its stories : narrative universals and human emotion. – Cambridge, 2003.

³ Prince G. On a postcolonial narratology // A companion to narrative theory. – Oxford, 2005. – P. 373.

написанное ее составителями, содержит глубокий анализ отношений формализма и идеологии в нарративной теории. Авторы приходят к выводу, что, вопреки распространенному предубеждению, эти две литературоведческие установки могут успешно дополнять друг друга, но нередко постколониальное литературоведение в своем теоретическом изводе ограничивается «каталогизацией» тем или поиском эстетических аналогов таких понятий, как «гибридность», «лиминальность» и т.п., а собственно поэтологическим, риторическим, нарратологическим аспектам текстов уделяет мало внимания. Однако необходимо исследовать именно то, как «форма нарратива и его идеологическое содержание взаимно определяют друг друга», и в то же время не сводить одно к другому и не пытаться установить точное соответствие между ними в виде статичных типологий» [2, р. 15]. С авторами введения солидарна и М. Флудерник: в вошедшей в сборник статье она предостерегает против поисков однозначных связей между конкретной техникой и идеологическим содержанием. Другие статьи сборника, предметом которых является преимущественно литература южноазиатских стран, призваны на практике компенсировать, с одной стороны, формальный уклон нарратологии, с другой – невнимание постколониального литературоведения к новым и сложным повествовательным формам, а также – к их теоретическому осмыслению.

П.К. Хоган находит, что, как и литературные произведения, «национальные идеи» имеют сюжеты, для которых можно выделить прототипические фабулы. В частности, кашмирский национальный дискурс опирается на фабульные прототипы героического деяния, жертвоприношения и реванша. М. Лёшницг обращается к когнитивно-нарратологической модели для анализа автобиографических «нарративов возвращения». Он показывает, как перспектива иммигранта образуется в результате наложения двух фреймов – экспериенциального и рефлексивного. Сложные повествовательные техники (металепсис и самопроверяющееся интрадиетическое повествование) способствуют созданию новой постколониальной нарративной идентичности, разрушающей гегемонию канонической западноевропейской автобиографии. У. Кумар ставит под вопрос базовое для классической нарратологии разграни-

чение объекта и персонажа. В творчестве малайского писателя Н.С. Мадхавана нарушается принцип, когда источником наррации и воспоминаний выступает индивидуальное человеческое сознание. Исследовательница вписывает нарратологический анализ в общую постколониальную теорию памяти как надындивидуального духовного образования.

Дж. Принс выявляет, каким образом мультилингвальность дискурса отражает социоэкономическое и культурное взаимоотношение нарратора и адресата наррации. С. Копланд исследует отношения между романом Мулк Рай Ананда «Неприкасаемые» и предисловием к нему Е.М. Форстера, опровергая традиционную их трактовку как «колонизаторского» предисловия к тексту выходца из «колонизированной» нации. Я. Альбер подчеркивает значимость формальных аспектов романа «Дети полуночи» С. Рушди для его идеологического содержания, в частности редкой формы нарратора (гомодиегетический повествователь с нулевой фокализацией)¹. В статьях Г. Олсон, Дж. Фелана и М. Джимних выявляется идеологическая основа категорий нарратора и повествовательного голоса (voice), в особенности представления о достоверном и недостоверном нарраторе.

М. Бал и Д. Дживеди, опираясь на анализ конкретных произведений, предлагают новые теоретические категории, призванные расширить традиционный нарратологический инструментарий (категория «контрфокализации» у М. Бал) или даже фундаментальные предпосылки нарративной теории (концепция «функции адресата»² у Д. Дживеди).

В целом сборник «Нарратология и идеология» имеет значение не только для постколониальных исследований, он представляет собой большой шаг на пути к созданию контекстуальной нарратологии.

¹ Повествование от первого лица, в котором нарратор имеет доступ к сознанию других персонажей, что очевидным образом нарушает миметичность наррации.

² «Функция адресата» – своего рода аналог «функции автора» у М. Фуко, социальная позиция, из которой осуществляется контроль над продуцированием множественных смыслов текста.

Список литературы

- 1 Введение в постклассическую нарратологию : новые направления в исследованиях повествования.
Introduction à la narratologie postclassique : les nouvelles directions de la recherche sur le récit / dir. par S. Patron. – Villeneuve d’Ascq : Presses universitaires du Septentrion, 2018. – 198 p.
- 2 Нарратология и идеология : взаимосвязь контекста, формы и теории в постколониальных повествованиях.
Narratology and ideology : negotiating context, form, and theory in postcolonial narratives / ed. by Dwivedi D., Nielsen H.S., Walsh R. – Columbus : Ohio state univ. press, 2018. – 297 p.
- 3 Окружающая среда и повествование : новые тенденции в эконарратологии.
Environment and narrative : new directions in econarratology / ed. by James E., Morel E. – Columbus : Ohio state univ. press, 2020. – 224 p.
- 4 Современная французская и франкоязычная нарратология.
Contemporary French and francophone narratology / ed. by J. Pier. – Columbus : Ohio state univ. press, 2020. – 252 p.
- 5 Херман Л., Вerveк Б. Руководство по анализу нарратива.
Herman L., Vervaeck B. Handbook of narrative analysis. – 2 ed., rev. – Lincoln : Univ. of Nebraska press, 2019. – 424 p.